

Исаак Мостов

**ДОРОГА
К КРЫЛЫШКАМ**



Как новый репатриант стал
израильским
лётчиком

Исаак Мостов

**Дорога к крылышкам. Как
новый репатриант стал
израильским лётчиком**

«Издательские решения»

Мостов И.

Дорога к крыльшкам. Как новый репатриант стал израильским лётчиком / И. Мостов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748931-1

Автобиографический рассказ нового репатрианта, получившего по воле случая шанс стать лётчиком израильских ВВС и сумевшего им воспользоваться. Поэтапное описание испытаний, экзаменов и приключений, выпавших на долю молодого курсанта, учащегося не только искусству летать, но и языку, культуре, географии и обычаям своей новой страны.

ISBN 978-5-44-748931-1

© Мостов И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Отбор в Лётную школу ВВС	11
Шаг первый – призывной пункт в Иерусалиме	11
Шаг второй – Тель Ашомер	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дорога к крылышкам Как новый репатриант стал израильским лётчиком Исаак Мостов

© Исаак Мостов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Пролог

Началась эта невероятная для своего времени и удивительная по своей сути история в результате тектонического геополитического сдвига, произошедшего из-за Шестидневной войны в июне 1967 года. Шок, с которым мир воспринял это событие, поднял, помимо всего прочего, волну еврейского самосознания, отголоски которой дошли до Риги, столицы Советской Латвии, города, в котором я родился и рос 16 лет.

Пять лет спустя, 5 июня 1972 года, мои родители, моя младшая сестра Лариса и я приземлились в аэропорту Лод в Израиле.

Если бы тогда, в начале июня 1972 года, кто-то сказал мне – пареньку 16 лет от роду, новому репатрианту в стране, языка которой я не знал и о культуре которой я не имел ни малейшего представления, который ещё не знал, как и где будет жить завтра, – что менее чем через четыре года я стану офицером и лётчиком израильских ВВС, я бы рассмеялся ему в лицо как городскому сумасшедшему...

Но невероятное случилось, и когда я вспоминаю, как это произошло, руки сами собой тянутся к клавишам компьютера, чтобы описать эту удивительную и примечательную историю.

Первые дни после «алии¹», а так называется репатриация в Израиль на иврите, мы провели у родственников – сестры и брата отца, которые перебрались в Израиль уже в 1969 году и получили отдельные квартиры на одной лестничной площадке в многоэтажном современном доме на окраине Тель-Авива. С момента их отъезда из Риги, парами и в одиночку, остальные две сестры и два брата отца со всеми своими семьями уехали из Риги на ПМЖ в Израиль. Мой отец, младший из девяти детей, из которых только семеро пережили войну, голод и болезни, своей иммиграцией завершил переезд в Израиль всего семейства Мостовых. А за мамой последовали её родители, сестра и брат с семьями... Практически за 4 года, с 1969-го по

1973-й, вся моя близкая родня – дед и бабушка со стороны матери, дядья и тётки, двоюродные братья со всех сторон – переехала в Израиль, всего 37 человек.

После нескольких дней радостных встреч и застолья у родственников в Тель-Авиве мы – родители, Лариса и я – сели в такси и переехали в Атлит под Хайфой, в центр абсорбции, куда мы получили направление по прибытии в аэропорт Лод. В этом центре нам предстояло провести около полугода, изучая язык и знакомясь с Израилем, чтобы потом было легче найти работу и вписаться в жизнь на новой Родине. Жить это время нам предстояло на крошечное пособие от Министерства абсорбции, которого едва хватало на еду и одежду, – из Риги мы выехали с парой чемоданов на человека, с минимальным набором одежды и обуви, так что наш гардероб требовал постоянного обновления и пополнения.

В Атлите мы всей семьёй рьяно взялись за изучение иврита... До нашего прибытия в Израиль мы не знали ни слова на этом языке, даже букв алфавита не знали. Пришлось учить всё с нуля, да ещё и на языке, который пишется справа налево... Однако несколько месяцев спустя я уже болтал с местными ребятами на иврите и мог прочесть названия на упаковках продуктов в продуктовой лавке. Мне это давалось намного легче, чем моим родителям, – сказывался возраст и непосредственное общение с местными сверстниками из Атлита, который считался в те годы запущенным городком простых работяг, выходцев из арабских стран и восточной Европы, приехавших в страну в пятидесятые и шестидесятые годы. Понятно, что в общении с ними мы научились словам и понятиям на иврите, которым учительницы в центре абсорбции не учили, хотя и знали...

¹ Алия (подняться, возвыситься) – используется для обозначения иммиграции только в Израиль, т.к. считается, что переезд в Израиль является возвышающим событием в жизни еврея.

В начале сентября, с началом учебного года, нас, молодёжь центра абсорбции в возрасте средней школы, собрали и отправили на учёбу в известную Хайфскую среднюю школу «Лео Бек». Там меня определили в 11-й класс² на основании возраста и того, что в Риге я закончил 9 из десяти классов средней школы. Моя сестра Лариса, вместе с остальной малышнёй центра абсорбции, была определена в первый класс местной начальной школы в Атлите.

Где-то в октябре мой отец, инженер-электрик по образованию, видя, как мама выкраивает каждую копейку пособия и экономит на всём чём можно, чтобы хоть как-то одеть и обуть сестру и меня в школу, почувствовал, что изучил уже иврит достаточно, чтобы начать искать себе работу. Он нашёл её сравнительно быстро, но в Иерусалиме – далеко от Атлита и Хайфы, к которым мы уже начали привыкать. Его приняли на работу инженером в Иерусалимское отделение Израильской электрической компании, и приблизительно через месяц мы заново упаковали чемоданы и переехали в Иерусалим, в трёхкомнатную квартирку в одном из новых районов на окраине города, которую родители получили в аренду с правом выкупа от «Сохнута» – Еврейского агентства, которое помогало устраиваться всем «олим³». Вместе с квартирой мы получили в аренду 4 железных пружинных кровати, кухонный стол на четверых, 4 стула, 4 набора посуды – кружка, тарелка, вилка, ложка, столовый нож, пару кастрюль и сковородку. Больше в квартире ничего, кроме белых стен, сантехники и кухонных шкафчиков, не было, и наши чемоданы ещё долго служили нам шкафами...

После нескольких дней, которые прошли в заботах о нашем благоустройстве в новой квартире, пришло время определить нас с сестрой на учёбу. С Ларисой это было просто – местная начальная школа нашего городского района приняла её без каких-либо вопросов, и с утра пораньше она весело бежала туда вместе с толпой местных ребятишек. Со мной все было сложнее...

Мы с отцом отправились в несколько средних школ города – товарищи по работе посоветовали ему лучшие, и мы начали со школы при Иерусалимском университете, которая считалась особенно сильной в сфере математики и физики, к которым у меня была тяга с ранних лет. Учебный год уже был в полном разгаре, и никто из руководства средних школ, которые мы с отцом обошли, не хотел принимать меня в 11-й класс – все ссылались на то, что я не знаю иврита в достаточной мере, чтобы угнаться за классом в их школе, уровень который был, по их убеждению, не сравним с моей школой №46 на рабочей окраине Риги. Максимум, что мне предлагали, это начать учиться в 10-м классе, нагло ссылаясь на то, что в Риге я закончил «только» девять классов. Но я не был готов провести лишний год за партой. И папа знал, что со мной на эту тему спорить не надо.

Стало ясно, что «хорошие» школы Иерусалима – большие снобы, и после пары дней походов по школам и их отказов принять меня отцу всё это надоело, и он, по совету коллег по работе, привёл меня в Отдел образования Иерусалимского муниципалитета. Там, после объяснений на нашем ломаном иврите, мы нашли чиновницу, которая, услышав наш рассказ, разозлилась и сделала два звонка: первый – коллеге, чтобы спросить, чья очередь из муниципальных средних школ принимать «по спискам справедливости» нового ученика «оле», второй – в ту школу, которую ей подсказала коллега. Потом, написав что-то на листке бумаги, протянула его нам и сказала, что я зачислен в Еврейскую гимназию, которая расположена в районе Рехавия, в центре города, и что нам надо предъявить этот листок там, сегодня. Папа обрадовался – гимназия Рехавия была в его списке, мы туда ещё просто не дошли... Мне было всё равно – гимназия так гимназия... Я об этой школе ничего не знал... Но так получилось, что меня направили в самую фешенебельную школу города, которая была центром снобизма, –

² Школьное обучение в Израиле начинается с 6 лет и длится 12 лет. Последним классом среднего образования является 12-й класс, поэтому для меня 11-й класс подходил и по возрасту...

³ Новым репатриантам – иврит.

в этой школе учились дети высших чинов израильского истеблишмента в Иерусалиме: послов, судей Верховного суда и прочих.

Из муниципального отдела мы направились напрямую в Рехавию, в школу. Там мы показали администратору записку, и меня оформили учеником школы. Записали адрес (домашнего телефона у нас ещё не было) и определили в один из 11-х классов – на основе своего «списка справедливости», так как не хотели неравномерного скопления новых репатриантов в классах. Нам – отцу и мне – также объяснили, что все ученики гимназии в школу должны приходить в школьной форме: рубашке бледно-лимонного цвета с вышитым символом гимназии и тёмно-синем свитере с тем же символом, и даже указали, в каком магазине они продаются.

Меня познакомили с моим новым классным руководителем, по совместительству (или наоборот) преподавателем физики старших классов. Она, немного поговорив со мной, повела меня знакомиться с моим новым классом. Меня представили, ребята окинули меня подчеркнуто равнодушным взглядом и вернулись каждый к своим делам, а я нашёл себе свободное место на одной из задних парт. Оказывается, в моём новом классе уже было 4 новых репатрианта – один из США, двое из Аргентины и ещё один выходец из СССР. Все уже пару лет в стране, болтают на иврите лучше меня.

Денег на школьную рубашку и свитер у родителей в тот момент не было. Посоветовавшись дома, решили, что, пока папа получит следующую зарплату, я пойду в школу в джинсах, белой рубашке и папиной «полукожаной» куртке-безрукавке – другой одежды у меня просто не имелось, а на дворе холодная Иерусалимская осень. Однако на большой перемене меня поймал замдиректора по дисциплине и перед моими одноклассниками громко отчитал меня за то, что я позволил себе прийти в школу одетым не по форме. Когда он, брызжа слюной, завершил свой монолог и послал меня домой со словами: «Без школьной формы сюда не приходи!», я, оплётанный на глазах своих одноклассников, несколько мгновений не знал, что делать, – не очень -то мне хотелось пытаться объяснить на коверканном иврите, что у родителей нет денег... Но быстро оценив смысл последнего посыла, я упаковал свои школьные «манатки» в пластиковый пакет, который служил мне портфелем за неимением ничего лучшего, и поехал домой.

Дома я объяснил ситуацию маме – она, как и отец, инженер-электрик, тогда ещё сидела без работы. Сидела дома и заботилась о нас и о своих родителях, которые вслед за нами переехали в Израиль на ПМЖ и жили у нас, деля с нами нашу небольшую трёхкомнатную квартиру. Отец работал всего пару-тройку месяцев, и вся его зарплата – единственный доход семьи – была распланирована на несколько месяцев вперёд для покупки вещей первой необходимости: холодильника, стиральной машины, мебели, одежды, обуви... У нас было только то, что мы сумели привезти с собой в чемоданах – в основном летние вещи. Наша скудная мебель, которую мы смогли вывезти из Союза, ещё плыла по морям и океанам... А тут ещё «нашего полку прибыло» и дед с бабушкой поселились у нас, со своей парой чемоданов... И небольшую зарплату «молодого инженера», которую платили отцу в первые месяцы его работы в Электрической компании, пришлось растянуть на шестерых... Дед вспомнил послевоенные времена, и пустые баночки из-под сметаны превратились в стаканы, пустые чемоданы – в столики и тумбочки. Бабушка из остатков обеда готовила сытные ужины: ничто просто так не выбрасывалось... Понятно, что денег немедленно купить мне бледно-лимонную рубашку не было...

Назавтра в школу я не пошёл и следующие несколько дней провёл дома... Пока вдруг не раздался звонок в дверь и, открыв её, я не обнаружил там моего классного руководителя из гимназии. Оказалось, что она обратила внимание на моё отсутствие в течение нескольких дней и решила проверить, в чём дело. Для моей мамы визит такой высокой особы был чрезвычайным происшествием, и она не могла себе позволить отпустить такую гостью, не напоив чаем. И вот картина – гостью усадили на один из четырёх стульев и налили ей чай в один из наших четырёх стаканов. Мама, дед и бабушка сели на остальные стулья. Моя сестра и я –

на пол, за неимением больше стульев в доме. Нам тоже налили чай – маме, деду и бабушке в стаканы, нам с Ларисой в стеклянные баночки из-под сметаны. К чаю ничего, кроме пары ломтиков хлеба, не было. Моя классная руководительница была в шоке от увиденного... Было видно, что её первоначальное настроение высказать моим родителям, что она думает о моих прогулах, меняется на растерянность... Вокруг стола начались переговоры... Мама ещё плохо владела ивритом и никак не владела английским. Моя учительница не знала ни русского, ни идиш. Мой дед никак не мог этого понять и всё пытался поговорить с учительницей при помощи своих старых знаний иврита, который он учил 60 лет назад, когда был мальчиком и изучал тору в хедере. Причём он говорил на ашкеназийском говоре, который в современном иврите не используется. Так что Лариса и я были переводчиками... Мало-помалу мой классный руководитель поняла, в какой ситуации мы живём, почему мне ещё не купили школьную форму, и, спустя некоторое время, сказала мне, что я могу ходить в школу в том, что есть, пока у родителей нет денег на бледно-лимонную рубашку с эмблемой школы. Она обещала, что замдиректора по дисциплине больше не будет ко мне приставать...

И я вернулся к своей парте у задней стенки класса...

Но сердце моей мамы не могло смириться с ситуацией, и она отправилась обивать пороги Иерусалимского «Сохнута» в надежде получить хоть какую-нибудь денежную помощь, чтобы я и Лариса могли ходить в школу «как полагается». После больших мытарств в разных кабинетах и трудных разъяснений на ломаном иврите ей это удалось, и через некоторое время я уже был владельцем рубашки и свитера с эмблемой гимназии... Теперь я перестал выделяться в толпе молодёжи, которая по будням понуро скапливалась у входа в школу в 8 утра и весело разбегалась оттуда по завершении уроков.

Моя учеба в 11-м классе гимназии меня не напрягала. Довольно быстро я понял, что то, что я уже изучал в 9-м классе рижской школы по математике, физике и химии, в Иерусалимской гимназии ещё не проходили... От общих уроков по языку, литературе, Библии, которые, конечно же, проводились на полноценном иврите, я, как и другие «олим» наших 11-х классов, был освобождён. Вместо этого для всех «олим» были особые уроки «на упрощённом иврите», которые нас готовили к выпускным экзаменам по этим темам по специальной программе для новых репатриантов. Также потому, что по этой же программе русский язык считался иностранным, наравне с английским, а мой уровень знаний английского языка, который считался очень даже хорошим в моей рижской школе, оказался очень низким в Иерусалиме – настолько низким, что, по мнению учителей, шансов успешно сдать выпускные экзамены по английскому языку у меня не было, я был освобождён от общих уроков английского языка. Так что я мог вполне официально отсутствовать на половине уроков моих одноклассников... Но, так как выходить за пределы школы во время уроков было запрещено, а в холодных коридорах школы делать было нечего, я предпочитал оставаться в классе даже на уроках, от которых я был освобождён. Наблюдая уголком глаза и краем уха за происходящим, развалившись насколько можно комфортно за своей партой в последнем ряду класса, я открывал книги на русском, которые я доставал у друзей – своих и родителей, – и погружался в иной мир... настолько мне нравилось читать, что я продолжал это делать даже на уроках математики и физики, иногда поднимая голову и видя, что класс ещё меня не догнал... Когда какой-то неопытный учитель ловил меня с открытой книгой под партой, я, делая серьёзное лицо, заявлял, что готовлюсь к экзамену по русскому языку, и весь класс громко хохотал над сконфуженным учителем... Математичка и физичка пытались было пристыдить меня за занятие другими темами на их уроках. Они пытались задавать мне какие-то вопросы или вызывать к доске, но после того как я навскидку давал правильные ответы, а у доски выписывал им формулы, которые класс ещё не проходил, то и они быстро оставили меня в покое. Единственные уроки, на которых я откладывал книги на русском, были уроки английского языка – оказалось, что я

понимал на этих уроках больше, чем думали, да и учитель был неординарно хорош, и здесь я впервые познакомился с Шекспиром на его родном языке...

Так я проводил время до конца учебного года... Мои одноклассники стали более дружелюбны, чем вначале, но для них мы, новые репатрианты, были скорее предметом любопытства, чем объектом дружбы... Подавляющее большинство из них было выходцами из семей высшего израильского истеблишмента. Они знали друг друга уже много лет и нас, новых для них людей, с трудом говорящих на иврите, выходцев из другой культуры, в свой круг они принимали медленно и с трудом. Такое отношение было ко всем новым репатриантам, которые «понаехали» за последние 5 лет – из Румынии, Аргентины, Советского Союза и даже США, хотя к последним отношение было наиболее дружелюбным...

На летних каникулах мэрия организовала дополнительное обучение для новых репатриантов, задачей которого было повышение уровня владения ивритом. Но я туда не пошёл... А пошёл я работать учеником автомеханика в гараж, который обслуживал «Кармель-Дукасы» – машины израильского производства с пластиковым кузовом. На заработанное я смог купить себе джинсовый костюм и оплатить 10 уроков вождения в автошколе, а к концу осени я успешно сдал на права, с первого раза...

С началом учебного года, после выговоров за то, что я не участвовал в летних ивритских курсах, я взялся за учёбу более серьёзно и уже полностью вписался в уроки математики и физики. В конце года нас ждали выпускные экзамены, и к ним надо было готовиться... Результаты выпускных были важны для определения будущего пути – университет или армия...

Однако Война Судного дня, разразившаяся месяц спустя, изменила распорядок жизни и приоритеты страны. Мои тоже. Во время войны мы, молодёжь 11-х и 12-х классов, пытались помочь чем могли, но нас посылали обратно на школьную скамью, дожидаться, пока призовут... После войны вопрос о будущем стоял просто – призваться в ЦАХАЛ⁴, и как можно быстрее.

Надо заметить, что призыв в армию для израильских подростков знаменателен не только фактом будущего служения Родине, но также процессом отбора и выбора родов войск и воинских профессий будущей службы. За полгода до выпускных экзаменов мои одноклассники начали получать повестки из военкомата, в которых они приглашались пройти определённые проверки в элитные подразделения ЦАХАЛа – в Лётную школу, Школу морских офицеров, ВДВ, разведку, Школу программистов и другие. Ребята, получившие такие повестки, а тем паче успешно прошедшие спецэкзамены и проверки, ходили гоголем, овеянные ореолом элитных подразделений, где надеялись служить. Это выделяло их из толпы сверстников и являлось предметом почитания со стороны одноклассниц и зависти одноклассников. Новые репатрианты повесток-приглашений не получали и даже не надеялись на них. Было ясно, что по разным причинам, а особенно из-за проблем с ивритом и ментальностью, нам элитные подразделения и школы офицеров в ближайшем будущем не светят... Я был полностью готов служить простым солдатом, желательно в бронетанковых войсках (всегда любил машины...), надеясь после пары лет срочной службы попасть в офицерскую школу. И нередко можно было услышать от моих товарищей по классу, что парень-то я неплохой, и что когда они будут командирами (танков, расчётов, и т.п.), то будут готовы принять меня в свою команду...

⁴ Название на иврите Армии обороны Израиля

Отбор в Лётную школу ВВС

Шаг первый – призывной пункт в Иерусалиме

Утром 25 июля 1974 года, всего через две недели после последнего выпускного экзамена, я явился в призывной пункт военкомата города Иерусалима. Отец отвёз меня туда на машине – было видно, что весь этот процесс даётся ему нелегко. Собственные воспоминания о его армейской службе в рядах Советской Армии менее чем 20 лет назад наводили его на мутные мысли о том, как его «цыплёнок» там справится, и никакие объяснения, что ЦАХАЛ это не Советская Армия, его не успокаивали.

Мама вообще была не в состоянии выдержать сцены проводов в армию, и было решено, что с ней мы простимся дома, а на призывной пункт она не поедет. Прощание дома, конечно, не обошлось без слёз – у мамы были свои воспоминания об армейской службе отца, когда его призвали на 3 года, оставив её, беременную мной, предоставив за время службы всего один отпуск – на похороны отца, моего деда.

Около Иерусалимского военкомата отец обнял меня и прошептал непривычным для меня, сдавленным и немного дрожащим от волнения голосом: «Береги себя, сынок! И не забудь позвонить!» Я, не привыкший получать от него никаких телячьих нежностей, ответил: «О'кей! О'кей!» – и немного грубовато, но решительно вырвался из его объятий. Я уже взрослый парень, призываюсь в армию – «обнимашки и целовашки» с папой как-то не вписывались в ситуацию, как я её видел... Да и нечего сырость здесь разводить – ведь не этому он сам меня учил последние 15 лет... И чётким шагом, немного рисуясь перед отцом, я направился в сторону военкомата.

Там уже скопилась небольшая толпа человек в 100, состоявшая из молодых людей моего возраста и их провожающих, и стояли несколько автобусов. Все были призывниками предпривыва⁵ лета 1974 года, посвящённого отбору в элитные заведения и подразделения ЦАХАЛа. Мне предстояло пройти отбор в одном из таких престижных заведений – Школе морских офицеров ВМФ Израиля.

Как так получилось, что новый репатриант призывается в Школу морских офицеров? Пути Господни неисповедимы...

Оказалось, что шок, прошедший ударной волной по израильскому обществу и ЦАХАЛу в результате Войны Судного дня 1973 года, среди всего прочего изменил критерии для службы и призыва новых репатриантов в элитные части ЦАХАЛа, и где-то поздней весной 1974 года армейская бюрократическая машина начала действовать... Мне на дом пришла повестка-приглашение явиться по определённому адресу в армейскую базу Тель Ашомер, в пригороде Тель-Авива. Нельзя сказать, что я удивился – для удивления требуется ожидание, я был просто в шоке... Это для меня было необъяснимо и, конечно же, крайне неожиданно. Многие из моих одноклассников в гимназии уже прошли свои отборочные вызовы в Тель Ашомер, который был основной перевалочной базой для всех призывников ЦАХАЛа – кто в Лётную школу ВВС, кто в разведку Генштаба. Я же, кроме двух обычных для всех израильских юношей допризывного возраста визитов в военкомат, ничего такого не проходил. В Риге я уже стоял на учёте в военкомате и даже проходил какие-то медицинские проверки, так что посещение израильского военкомата для меня не было таким уж волнующим событием. Наоборот, последнее

⁵ Летний призыв в ЦАХАЛ начинался в августе, после завершения выпускных экзаменов в средних школах. Пред-призывы проводились несколькими неделями ранее для того, чтобы те, кто не сумели пройти отбор в элитные подразделения, могли после этого влиться в общий поток призыва и программ обучения молодых бойцов.

моё посещение Иерусалимского военкомата сопровождалось неприятными воспоминаниями о письменных экзаменах на иврите, в которых использовалось много слов, которых я не знал, и у меня сложилось чёткое впечатление, что эти тесты я провалил... Всё, на что я надеялся, это было призваться в боевые части ЦАХАЛа, несмотря на провал на экзаменах военкомата. А тут эта повестка...

В назначенный день я явился в указанный барак Тель Ашомера. В ничем не примечательном деревянном строении времён Второй мировой войны, возведённом ещё британской армией во время британского правления Палестиной, вместе со мной было ещё 20 ребят моего возраста. Новых репатриантов среди них я не заметил, все говорили на хорошем иврите... Я было подумал, что ошибся адресом, но после того, как уточнил у старшины, который принимал повестки и что-то отмечал у себя, оказалось, что нет – меня вызывали именно сюда. Старшина направил меня в соседний барак – там молодые и крепкие на вид ребята классического телосложения в светлой форме (принадлежность которой к родам войск я ещё не знал) проводили проверку силовыми упражнениями – кто в течение минуты может делать сколько отжиманий на руках, подняться из положения лёжа и тому подобное. Среди прочего была проверка того, на сколько времени я могу задержать дыхание. Для меня это было просто, в те годы я мог спокойно нырять и проплывать под водой 30, а то и больше метров. Мои общие результаты оказались вполне достойными – не зря в Риге я занимался самбо с 11 лет, и они отправили меня обратно к старшине. Тот направил меня в кабинет с молодым человеком в гражданском, который задавал мне много разных вопросов из разных областей жизни, в том числе про отношения в семье, мой характер и другие. Я, стараясь изо всех сил вспомнить и использовать правильные слова на иврите, отвечал медленно, чем, как видно, создавал впечатление вдумчивого человека. И тогда он спросил меня о том, в каком элитном подразделении ЦАХАЛа я хотел бы служить. Я, конечно же, был ошарашен таким вопросом и, посмотрев на него, как на неразумное дитя, выпалил: «Как это возможно? Ведь я в стране ещё даже не два года!» Теперь пришла его очередь изумляться... Но он быстро оправился, сказал мне: «Подожди здесь» – и вышел из комнаты, как видно, посоветоваться с кем-то. Через некоторое время он вернулся и поведал мне, что, несмотря на то, что я новый репатриант, менее чем два года в стране, я только что прошёл первый отбор в элитные подразделения ВМФ Израиля, и что если я готов призываться на флот, то мне надо выбрать, куда – либо в Школу морских офицеров, либо во Флотилию №13⁶. Я, уже изрядно шокированный новостями, спрашиваю: «А это что?», и приятный молодой человек в штатском начал мне вкратце объяснять, чему учат в Школе морских офицеров и чем занимаются парни из 13-й флотилии... Теперь право выбора перешло ко мне, и я, не теряя времени на долгое раздумье, заявляю: «Школа морских офицеров! Мне нравятся машины и двигатели, и я не люблю долго и много бегать и плавать...».

Когда я вернулся домой, в Иерусалим, и рассказал родителям о том, что было в Тель Ашомере, в комнате на несколько минут воцарилась тишина..., которую прервал резкий окрик моего отца: «Я не согласен!» – и последовавшая за этим ссора... Это был обычный спор поколений, в котором я апеллировал двумя тезисами: «Тебя никто не спрашивал» и «Это моя жизнь»... Пока отец не вбросил джокера: «А ты о нас подумал? Если погибнешь в море, у нас даже могилки не будет!» На это у меня не было готового ответа, и мы прекратили ссориться... Но 25 июля 1974 года я пошёл призываться в Школу морских офицеров ВМФ Израиля.

На моих одноклассников мой визит в Тель Ашомер и повестка на ранний призыв произвели должное впечатление, и они стали замечать моё существование в школе...

Маленький дворик Иерусалимского военкомата кишел и гудел призывниками и провожающими, когда какой-то авторитетный человек в зелёной форме с зычным голосом и мегафоном стал наводить порядок и выкрикивать имена. Каждый, чьё имя он выкрикивал, под-

⁶ Флотилия №13 – «Шайетет шлошэсре» на иврите, знаменитое подразделение спецназа ВМФ Израиля.

нимал свои вещи – кто рюкзак, кто сумку – и поднимался на борт одного из ожидающих напротив ворот военкомата автобусов. Авторитетный человек продолжал выкрикивать имена, толпа в военкоматском двореке редела, а меня не вызывали... Авторитетный человек в форме закончил своё выступление пожеланием удачи призывникам, автобусы закрыли двери и начали движение в сторону выезда из города, а во двореке остались я и трое призывников, имена которых названы не были...

Ощущение было не из приятных... «Что произошло? Неужели отменили мой призыв в Школу морских офицеров? За что?» – в голову лезли разные мысли, ни одна из них не радостная...

Но раньше, чем я успел решить, что делать и кому что сказать, авторитетный человек обратился к нам, назвал наши имена и сказал, что нам предстоит вторично пройти кое-какие экзамены в военкомате и что нас просят пройти в определённый кабинет.

Мне выдали экзамен по знанию иврита – тот, который я провалил год назад... Тогда моего знания языка хватало для устного общения на базаре или в продовольственном магазине, ивритские тексты «без точек⁷» я читал с трудом... Теперь же я знал язык уже получше, хотя запас слов и скорость чтения, конечно же, оставляли желать лучшего... Поэтому я немного волновался, начиная этот повторный экзамен... Но два года на последней парте в гимназии и усилия, вложенные мэрией и нашими учителями в специальную программу для новых репатриантов, сделали своё, и мое настроение в конце экзамена было заметно лучше, чем в его начале...

Через полчаса после завершения тестов во дворик вышел офицер и назвал моё имя. Когда я подошёл, он, без всяких предисловий, сообщил мне, что я сдал свой экзамен и направляюсь вместе с другой группой призывников в Тель Ашомер. Там мне предстоит пройти процесс призыва и дополнительных проверок, на этот раз в Лётную школу ВВС.

Вот это да... Это было абсолютно неожиданно! Немного оправившись от шока новостей, я нагло спросил: «А что со Школой морских офицеров?» И офицер, видя, как шок от только что мне сказанного отражается на моём лице, ответил мне: «Не волнуйся, если не пройдёшь проверки на лётчика, успеешь на следующий отбор Школы морских офицеров» – и отправил к минибусу, который уже поджидал у ворот...

⁷ В иврите нет гласных букв. Гласные звуки обозначаются точками и чёрточками над, под или слева от согласных, но в печати обычных книг, газет, да и в частной и деловой переписке «точками» не пользуются, что требует определённого знания языка для того, чтобы правильно прочитать написанное.

Шаг второй – Тель Ашомер

Час с небольшим, который наш микроавтобус ковылял на спусках по дороге из Иерусалима в Тель Ашомер, дал мне немного времени на размышления о новом положении, в которое я попал без всякой моральной подготовки...

Лётная школа ВВС... «Попасть в лётчики» было пределом мечтаний любого теплокровного и здорового израильянина призывного возраста. ВВС пользовались особой славой, а лётный состав ВВС был элитой из элит... Некоторые из моих одноклассников получили повестки на проверки и отбор в Лётную школу, которые проводились в Тель Ашомере. Мало кто их проходил успешно, но те, кому это удалось, становились предметом уважения учителей, восхищения девушек и белой зависти товарищей. До этого момента попасть в Лётную школу было для меня утопией, недостижимой мечтой, о которой я мечтал, будучи несмышлёным мальчишкой лет 10 тому назад... Я читал взахлёб все книжки о лётчиках и самолётах, строил модели из бумаги и дерева, представлял себе, как выглядит полёт из кабины пилота... Но в последние несколько лет до нашей эмиграции из Советского Союза и с тех пор, как мы обосновались как новые репатрианты в Израиле, я чётко знал, что этой мечте не сбыться, и всё время прятал её где-то там, в глубине души. Да и как это могло произойти сейчас, мне было абсолютно непонятно – я ведь ещё плохо читаю на иврите, многих слов не знаю, стараюсь писать как можно меньше (из-за боязни наделать смешных ошибок), не говоря уже о том, что я практически ничего не знаю об израильских ВВС и их Лётной школе...

Смешно, в Советском Союзе я не мог стать лётчиком потому, что был евреем с родственниками за границей, а в Израиле – потому что был новым репатриантом... Но вот что-то изменилось в этой формуле парадокса, и я еду на проверки и отбор в Лётную школу... Неужели передо мной открываются шансы на воплощение уже давно забытой детской мечты?

Я чувствовал себя, как путешественник на маленьком каяке без вёсел в середине бурного потока, который несёт меня по воле высших сил в неизведанное... Одно я понимал чётко: у меня сейчас два выбора – крепко-накрепко держаться за бортики каяка и дать потоку событий вести меня вперёд, к далёкому шансу воплотить мечту детства или, оставив лодку, прыгнуть в воду, которая непонятно как и куда меня вынесет, но уже без этой лодки...

И я принял для себя решение – остаться в лодке и сделать всё, чтобы преуспеть в новом направлении и «получить удовольствие». Ведь шансы на то, что я пройду проверки и отбор, невелики, даже очень, так что мне сейчас зря волноваться?..

Минибус высадил нас у одного из длинных барачков в центре барачно-палаточного городка, коим был Тель Ашомер, – в прошлом военная база Британской империи в Палестине, а с первых дней Израиля центр призыва новобранцев ЦАХАЛа. Британский военный госпиталь, который был частью военной базы, превратился в гражданский госпиталь, который все звали тоже Тель Ашомер, а к базе прилегали ещё разные отделения медицинских подразделений ЦАХАЛа и Минздрава Израиля. Вид этого большого конгломерата старых барачков, малоэтажных зданий и складов был невесёлым, но в нём кипела жизнь, которая была ключом – по голове каждого зазевавшегося...

Командование над нами взял коренастый старшина – выходец из арабских стран, что явно прослушивалось в его акценте и нецензурном лексиконе. Под его зорким оком и едким языком мы – группа призывников, которые ещё должны были завершить отборочный процесс для определения подходящего для каждого из нас рода войск и назначения в будущую учебную часть, – прошли первый этап превращения мальчишек в солдаты. Для начала нас сфотографировали и взяли отпечатки пальцев, выдали каждому свой личный армейский номер, выбитый на алюминиевых жетонах, – один на шее и два для ботинок, а затем вещмешок (который назывался термином, пришедшим из британской армии, на основе которой когда-то строился

ЦАХАЛ, – китбэг) и обмундирование: 2 пары штанов и рубашек зелёного цвета, ботинки, 2 пары серых шерстяных носков и нижнего белья, ремень, берет и мыльно-рыльный пластиковый набор (для тех, у кого нет такого дома). Стричь меня не надо было – на призывной пункт я явился уже с короткой причёской. Переодевшись, я взглянул в зеркало, которое так любезно стояло в раздевалке с девизом: «Солдат! Поправь выправку!» – и не узнал себя: на меня смотрел незнакомый мне парень в форме, похожий на зелёного птенца... И только широкая улыбка, от уха до уха, придавала этому натюрморту признаки жизни...

Следующим событием моей армейской жизни стал обед в солдатской столовой. Тель Ашомер был не просто армейской базой – это был перевалочный пункт, вокруг которого скопились тыловые службы. Текучка здесь была огромной: здесь ежедневно призывались, демобилизовывались, переопределялись тысячи солдат и офицеров ЦАХАЛа. И столовых здесь было несколько – для разного рода населения. Некоторые для своих – тех, кто проходил службу на самой военной базе, другие – для тех, кто только проходил через неё. И, конечно же, они делились на офицерские и солдатские... Продукты во всех столовых были одинаковы, и теоретически результат должен был быть одинаков или похож во всех столовых. Но в реальности качество и методы приготовления пищи и её подачи, не говоря уже о благоустроенности самих столовых, разнились существенно. Конечно же, для «своих» старались больше, чем для «проходящих». И недаром многие новобранцы предпочитали вместо похода в солдатскую столовую очередь в «Шекем⁸», отделения которого находились на территории базы, или в киосках и ларьках за её воротами. Так как лишних денег у меня не было, то выбор для меня был прост – армейская еда, солдатская столовая...

Может быть, потому, что я был уже основательно голоден, или потому, что я хорошенько помнил рассказы отца про его армейские будни, но я умял всё, что мне положили в тарелку, не обращая внимания на удивлённые взгляды моих товарищей за столом. Некоторые из них только поковырялись в своих тарелках, скорчив мину, как будто их лично обидели...

После обеда старшина собрал нашу разношерстную команду и объявил, что, так как мы все должны проходить те или иные проверки или экзамены до получения своих распределений для прохождения дальнейшей службы, то мы перешли в его распоряжение и всё свободное от проверок и экзаменов время будем проводить в работах по благоустройству базы Тель Ашомер. Нам выдали рабочую одежду – так называемую «форму Б», ведь при призыве нам выдали только «форму А» для «чистого использования», в которой, и по армейскому уставу только в ней, мы могли выходить за пределы базы и которую никто не хотел пачкать. «Форма Б» была действительно рабочей – на ней остались следы от её прежней жизни у других хозяев, но она была чистой, хотя и латаной. Также нам выделили палатку и одеяла. Здесь нам предстояло спать несколько дней или недель – в зависимости от проверок и экзаменов и успеха каждого в них.

Время подходило к 6 часам вечера, и жизнь в Тель Ашомере замирала на ночь – подавляющее большинство, если не весь постоянный контингент этой военной базы спал дома или у друзей и родственников в Тель-Авиве и его окрестностях. Ночью на территории базы оставались только дежурные или «перелётные» новобранцы, как мы, которых старшина не хотел выпускать, чтобы утром не заботиться об опозданиях из увольнительной своих случайных подчинённых. И так наше начальство – старшина-контрактник и его помощники (солдаты срочной службы, которым не нашлось более достойного места службы или достойной воинской профессии) – оставили нас в покое до утра, а сами разошлись по домам, после «тяжёлого» дня воинской службы.

⁸ «Полевые» отделения израильского «Военторга» – кроме сравнительно больших магазинов в городах, в каждой мало-мальской военной базе было несколько отделений «Шекема», где можно было купить соки, газировку, шоколадки и печенье разных сортов. Спиртного там не продавали – даже пива.

Организовав своё место ночлега, я нашёл таксофон и позвонил домой. Отец уже вернулся с работы, мама тоже (около года назад она нашла работу по своей профессии неподалёку от дома). Трубку взял отец. На его вопросы: «Где ты? Как ты там?» – я ответил, что я не в Тель Ашомере и не в Школе морских офицеров, как планировалось, и что завтра я начинаю экзамены и проверки в Лётную школу ВВС. На минутку трубка на другом конце линии затихла, и я начал волноваться, что связь прервалась... Но затем из трубки последовала реакция, и её громкость и тон, по мере продолжения, поднимались до гневного крика: «Лётная школа? С чего вдруг? Кто тебе разрешил?! Я не готов! Я не позволю!! Ты же боишься высоты!»... Там было ещё несколько выражений и выпадов, которых я сейчас уже не помню... Отстранив немного телефонную трубку от уха, я дал этой тираде пролететь мимо меня, а потом, спокойным голосом, ответил: «Пап, а тебя никто не спрашивал, и твоё разрешение не требуется... И кроме того, если я могу быть лётчиком и этого не сделаю, то кто сделает?» То ли мой спокойный голос подействовал, то ли папа понял, что я сказал, но он быстро успокоился и перешёл к более насущным вопросам – что ел, какое обмундирование получил, надо ли что-то, где мы спим и прочее. Я отвечал, приукрашивая демонстративным оптимизмом и чувством юмора пыльную и унылую обстановку Тель Ашомера... Поужинав, мы с товарищами улеглись спать – насыщенный событиями день давал о себе знать...

Назавтра, маленькой группой в 5 человек под управлением одного из помощников старшины, мы направились в сторону Подразделения медицины авиации ВВС Израиля, которое вкратце называлось «Ярпа» и приютилось прямо за забором «зелёной⁹» базы Тель Ашомер. Там, в чистом, уютном и ухоженном здании, которое было полным контрастом тогдашним строениям Тель Ашомера, опрятные и приятные люди в бежевой форме ВВС проводили и проходили медицинские проверки лётного состава и занимались первичным отбором кандидатов в Лётную школу ВВС. По сравнению с «зелёным» Тель Ашомером, первый контакт с ВВС оставлял глубокое позитивное впечатление. Разница почти в каждой мелочи, не говоря о чистоте и порядке, бросалась в глаза – 1:0 в пользу «синих»...

Первым делом нас усадили в одной из экзаменационных комнат, выдали карандаши и стопы каких-то анкет и дали нам время, чтобы мы их заполнили. Нам чётко объяснили, что каждый должен это делать самостоятельно. Разговоры с товарищами, обсуждения, что и как писать, и тому подобное запрещены, и если нас на этом поймают, то процесс отбора закончится для нас тут же и с позором. В анкетах было множество разных вопросов, и требовалось заполнить разные данные – о себе, о своём здоровье, о семье. Также надо было написать «резюме» – краткую историю жизни, и дать ответы на разные вопросы о себе, основным из которых был: «Почему Вы хотите стать лётчиком?» – ответу на него в анкете уделялось довольно-таки много места... Этот вопрос поставил меня в тупик, и я, недолго думая, нагло написал в анкете: «Я хочу? Вы хотите!»... А на вопрос, на каких самолётах я хочу летать, я ответил, что точно марок самолётов я не знаю, но думаю, что могу быть хорошим лётчиком-истребителем на самолётах «Мираж»...

Потом нам выдали другие анкеты – в них были разные вопросы математического, географического и геометрического содержания, вопросы по физике движения тел и картинки разных положений, как будто снятых из кабины самолёта. Требовалось оценить ситуацию, описанную в вопросе, и дать самый подходящий ответ. На определённый набор вопросов выделялось время, за которое надо было их решить – кто не смог, тот опоздал... Через пару часов мы справились и с этим.

Обеденный перерыв, солдатская столовая Тель Ашомера, и мы шагаем обратно – в «Ярпу». Следующим экзаменом было разобрать и собрать механическую машинку. Я слышал об этом экзамене от своих одноклассников, которые проходили отборочные экзамены в Лёт-

⁹ Т.е. принадлежащей Сухопутным войскам ЦАХАЛа, форма одежды которых была зелёного цвета.

ную школу ВВС ещё весной. Тогда они долго обсуждали, насколько этот тест сложен, что времени не хватает разобрать, запомнить, а потом собрать и проверить работу этой машинки, и каждый, кто сумел это сделать, ходил с высоко задраным носом, гордясь своими инженерными способностями. Так что к экзамену я подошёл с небольшой боязнью, любопытством и желанием доказать, что разбирать и собирать машинки я умею, – недаром работал автомехаником... Этот тест, как и другие, был с лимитом времени – 20 минут, и как только нам позволили начать, я тут же ринулся разбирать машинку. Это не заняло у меня много времени, и я перешёл к её сборке, которую завершил к середине выделенного времени. Машинка даже работала... Но вот незадача – на столе осталась какая-то деталь, которая машинке не была нужна для работы, однако она там была изначально, и её требовалось вернуть на место. Пришлось разбирать и собирать второй раз, но и на этот раз я успел сделать это до того, как следящий за нами экзаменатор – солдатка срочной службы, приятная лицом, но строгая и полная чувства собственного достоинства, объявила, что время, выделенное на экзамен, истекло.

К концу дня возвращаемся в свою палатку, потом ужин, «Шекем», который также служил подобием клуба для солдат-срочников, и спать.

Назавтра, группой в уменьшенном составе – кто-то не прошёл вчерашние экзамены, шагаем в «Ярпу». Для нас отборочные экзамены продолжаются. На этот раз нами начали заниматься психологи и врачи... Даже если бы я ничего не знал про отборочные экзамены в Лётную школу ВВС до сих пор, за последние пару дней я наслушался множество рассказов о том, как и когда кого-то «срезали», кто, где, когда и как их «провалил» и так далее. В среде нашего обитания на тот момент успешных случаев я не знал... Логика говорила, что есть счастливицы, которые все эти экзамены проходят успешно, – ведь есть же лётчики в ВВС Израиля... Но та же логика доказывала, что есть секс после смерти, – ведь могилы же размножаются... А с лётчиками я не был знаком, хотя впервые увидел некоторые образцы там же в «Ярпе» – они приходили на свои ежегодные медицинские проверки, одетые в форму из дакронового материала, который выгодно отличался от обычного бежевого сукна формы ВВС. На левой груди, над сердцем, у них были небольшие матерчатые «крылышки» – пилотов, штурманов, бортиженеров. У большинства, но не у всех, была ещё пара «крылышек» на правой стороне груди – из металла, с эмблемой парашюта. Все окружающие относились к ним с большим уважением, а мы пялились на них, как на девятое чудо света.

В большинстве рассказов о печальном исходе отборочных экзаменов в лётчики «злым гением» и почти непроходимым препятствием были психологи. Ребята рассказывали, как их «срезал» психолог за нестыковки в анкетных данных (наврал в анкете или сам не помнишь, что написал? – нам таких не надо!), за чрезмерную самоуверенность (нам и таких не надо!), за неуверенность в ответах и поведении (нам нужны лётчики, уверенные в себе!), за медлительность, за неправильные ответы на внезапные вопросы – короче, за всё и за ничего... Было ясно, что никто не мог дать дельного совета или разъяснения, чего эти чёртовы психологи ищут в кандидатах, а тот факт, что я уже разговаривал с таким психологом, когда проходил первичный отбор в Школу морских офицеров, мне в голову не приходил... И вот я, после долгого ожидания своей очереди в коридоре, волнуясь, но стараясь этого не показывать, захожу в кабинет психолога. В последний момент, запутавшись во всех напутствиях и советах, что делать и как, а чего не допускать, я решаю плюнуть на всё, быть самим собой и полагаться на свои инстинкты и опыт. В кабинете за обычным столом сидел приятный на вид интеллигентный человек в штатском, который спокойным голосом начал со мной беседу, поглядывая изредка в лежащую перед ним папку с моим именем на ней. Своей манерой общения он был очень похож на того человека из ВМФ, с которым я встречался месяца три назад в Тель Ашомере... И я успокоился и начал вдумчиво отвечать на его вопросы. Психолог интересовался подробностями наших отношений в семье, как я учился в гимназии, как вписался в среду одноклассников, почему я ответил на вопросы анкеты так, как ответил, – особенно на вопрос, почему

я хочу быть лётчиком. Ни слова о том, что я новый репатриант... Да и я не афишировал эту тему... Когда мы закончили нашу беседу и я вышел, я не мог рассказать ничего нового своим товарищам по ситуации, которые ждали своей очереди пройти это судьбоносное интервью. Беседа как беседа, с обычным, приятным человеком – это было всё, что я мог им объяснить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.